

Виктория Педерман

Первокурсница

Виктория Ледерман

Первокурсница

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23283856

В. Ледерман. Первокурсница: ООО «Издательский дом «КомпасГид»;

Москва; 2016

ISBN 978-5-00083-165-6

Аннотация

На первой странице 17-летняя студентка Саша признаётся в любви. Гена из параллельной группы – её идеал во всём, кроме одного: у него есть девушка. Ни шагу порознь, и уже так давно! На шестой странице Саша отрезает свои длинные волосы. Назло матери, но больше – чтобы Гена заметил. Точнее – ЗАМЕТИЛ. Чтобы точно не прошёл мимо, ответил взаимностью. У Саши готов план завоевания Генкиного сердца, и стрижка – только начало.

У героини кружится голова от той свободы, что свалилась на неё с поступлением в университет. Поток новых знакомств, непривычное «вы» от преподавателей, учёба и влюблённости, вечеринки и праздники – всё это захватывает и кажется неповторимым. Каждый день приносит открытие о самой себе, о родных, о друзьях и случайных знакомых. Жизнь так полна событиями, что в реальность происходящего порой не верится, –

ощущение, хорошо знакомое всем 17-летним. Да, ощущение неповторимое.

Как и дебютная повесть Виктории Ледерман «Календарь ма(й)я», тираж которой разлетелся в рекордный срок, «Первокурсница» насыщена сюжетными поворотами и не даёт заскучать. Черета приключений слегка безрассудной студентки увлекательна сама по себе, но наиболее захватывающее – то, как события меняют героиню, как она обретает опыт. На последней странице Саша скажет: «Я в этой жизни ничего не понимаю», а такие слова всегда доказывают обратное.

«Первокурсница» – вторая книга Виктории Ледерман, вышедшая в издательстве «КомпасГид». В планах – другие её работы для младших, средних и старших школьников: прежде всего, повести «Всего одиннадцать, или Шуры-муры в 5 “Д”» и «Василькин, к доске!». Первая в 2016 году попала в лонг-лист премии им. С. Михалкова, вторая – в шорт-лист премии «Новая детская книга».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	51
Глава 8	58
Глава 9	68
Глава 10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Виктория Ледерман

Первокурсница

© Ледерман В. В., текст, 2016

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2016

* * *

*Всем студентам иняза Самарского
педагогического университета посвящается*

Глава 1

– Барс, повторите, что я сказала! – неожиданно раздался над ухом язвительный голос нашей математички. Я подскокила от неожиданности и выронила ручку. И как это я прозевала Маргариту?

Я полезла под стол за ручкой, параллельно пытаюсь вспомнить, что же она все-таки сказала.

– Барс, я жду, – напомнила она, стоя возле моей парты. Мне снизу были видны ее полные ноги в коричневых чулках и черных немодных туфлях на платформе.

– Вы сказали, – залепетала я из-под парты, обращаясь непосредственно к ногам, – я точно помню, что вы сказали...

– Может быть, вы все-таки встанете? – иронично перебила меня Маргарита. – Я не могу общаться с человеком, не видя его лица. Или мне забраться к вам?

Мои сокурсники оживились, с разных сторон слышались сдавленные смешки.

– Не надо ко мне, – сказала я, понимая, что вылезти все же придется. – Тут мало места. Уж лучше я к вам.

В аудитории откровенно загоготали. Я выбралась, держа ручку перед собой как оправдание моего пребывания под партой.

– Вот что я вам скажу, Барс. – Математичка сняла очки и принялась протирать их краешком своего платка, накинута-

го на плечи. — У вас не очень хорошая перспектива на зимнюю сессию. Во всяком случае, зачет по математике вам получить будет трудно. Очень трудно. И о чем вы только думаете, моя милая?

Я заставила себя виновато опустить глаза и промолчать. Математичка покачала головой и, скрипя половицами паркета, двинулась к доске.

Я никак не могла привыкнуть после школы, что все преподаватели называли нас, студентов, на «вы». Мне постоянно казалось, что это «вы» звучит как издевательство, точно так же, как и «моя милая». «О чем вы только думаете, моя милая?» О чем я думаю? О чем можно думать в семнадцать лет, на первом курсе университета? Да уж конечно, не о дурацкой математике, которая никому не нужна в нашем инязе, и не о зимней сессии. Вот уже три месяца, как я не могла думать ни о чем и ни о ком, кроме него.

Геннадий Славинский! Я просыпалась с радостным ощущением чего-то невероятно хорошего и сломя голову мчалась в институт, чтобы в толпе в раздевалке мимоходом увидеть высокую светловолосую фигуру. Эти моменты я смаковала до конца второй пары, снова и снова вспоминая, как он прошел мимо меня, как протянул свою куртку гардеробщице, как взял в руку номерок... А потом начиналась большая перемена, и я рысью неслась в столовую в соседний корпус, чтобы стоять в очереди рядом с ним и двигать подносы по железной стойке, украдкой бросая мечтательные взгляды на

его мужественный профиль.

Так было первые три недели. Но потом это перестало меня устраивать. Если я люблю человека, пусть и он меня любит! Буду я тратить свои молодые годы на то, чтобы о ком-то вздыхать в сторонке! Тем более что ни скромной, ни застенчивой назвать меня было нельзя. Если я чего-то хотела, то вырывала это «прямо изо рта», как выражалась моя мама.

Но Геннадий Славинский был не один. Он всегда и везде появлялся со своей девушкой: на занятиях, в столовой, в раздевалке. Разведка донесла, что до поступления на наш факультет парочка училась в одной школе, сидела за одной партой и жила в соседних домах.

Мне это казалось великим достижением, достойным Книги рекордов Гиннесса, если учесть, что мои самые долгие отношения с парнем составляли двадцать один день и три часа. Ну и раз Славинский со своей девушкой столько лет вместе, девушка скоро должна ему надоесть. Вот тут-то я и подвернусь. И я честно ждала в засаде, не выпуская обоих из поля зрения.

Не я одна запала на Славинского. Как же иначе? На пять наших английских групп, общей численностью в шестьдесят два человека, приходилось всего три представителя противоположного пола. В нашей тринадцатой английской учился неказистый Борька Горохов, непонятно каким образом затесавшийся в иняз. Ему была прямая дорога в столичный Те-

агр эстрады. Борька превосходно пел, танцевал, участвовал в СТЭМе, КВНах, ездил на концерты со студенческим театром. Но когда он оказывался лицом к лицу с нашим куратором Данилевским, не мог связать двух английских слов и порой выдавал такие перлы, что тот выводил трясущейся от смеха рукой кривые единицы напротив его фамилии. А вот пятнадцатая английская на парней была богата – их там обитало целых двое. Один из них, Валентин, был вполне приятным, высоким и симпатичным, и я пару раз в сентябре взглянула на него с интересом. Но знающие люди сообщили мне, что он жуткий жмот и зануда. Англичанка из его группы, которая на свою беду пошла с ним в кафе, целый час слушала лекцию по лексикологии о паронимах английского языка, я потом еще заплатила сама за свой ужин. Он, видите ли, придерживался западной нормы отношений между мужчиной и женщиной. Получив эту информацию, я тут же выкинула красавца Валентина из головы. Жмот – он и есть жмот, и запад этому не оправдание.

Неудивительно, что все наши девчонки восхищались Геннадием Славинским из пятнадцатой группы. Но никто не покусался на идеальную пару. Ну как же – там с первого класса, там все серьезно. Там настоящая любовь, ах-ах! Они не догадывались о моих чувствах, о бушующем вулкане внутри меня...

Ожидание слишком затянулось. Уже наступил декабрь, близилась первая в моей студенческой жизни сессия, а нуж-

ного момента все не было.

– Борь, – обратилась я на перемене к нашему артисту, – мне нужен как бы мужской взгляд на один предмет.

– Что значит – «как бы мужской»? – оскорбился Горохов. – Обидеть норовишь, Александра Ферапонтовна!

– Васильевна, – поправила я. – Горохов, представь, что перед тобой каждый день курсирует одна и та же девушка...

– Красивая?

– Красивая. Как я.

– Тогда и правда красивая. Пусть курсирует.

– Да не перебивай ты! Это важно. Что ей надо сделать, чтобы ты ее заметил?

– Так если красивая, я ее и так уже заметил.

– Не просто заметил, а ЗАМЕТИЛ. Понимаешь? – загорячилась я. – Как бы заново увидел и подумал – неужели это она? Где были мои глаза? Ну, чтобы шок испытал. Ясно тебе?

– Шок? – задумался Горохов. – Ну, если все так серьезно... Тогда ей придется побрить голову и прийти лысой.

Я рассердилась на Горохова, но позже подумала – а ведь это идея! Не бриться, конечно, но постричься мне нужно! Русые косы до пояса надоели. Мытье головы и расчесывание по утрам превращалось в целую эпопею. Да и отражение в зеркале стало напрягать в последнее время. Не студентка из двадцать первого века, а прямо Рапунцель! Сижу вся такая в башне и ловлю на косу скачущего мимо принца (ключевое

слово – «мимо»). Я давно подумывала про стрижку, и вот появился повод – спасибо Горохову! Институт, новая жизнь, новый облик.

Когда я неслась к троллейбусной остановке, чтобы после занятий успеть в парикмахерскую, сзади раздался истошный автомобильный сигнал. Машинально оглянувшись, я простонала:

– О не-ет...

Только этого не хватало! Серебристый опель! Пятикурсник Саня, который не дает мне прохода. Наглая липучка с серьгой в ухе, легкой небритостью на щеках и длинными темными волосами, собранными сзади в хвост. В сентябре на балу первокурсников он пригласил меня танцевать, а потом довез до дома, напросился на чай и даже познакомился с мамой. Она после этого нервно заметила, что парень напоминает ей моего отца в молодости. И это был не комплимент. Но я заверила маму, что мое знакомство с энергичным «серебристым мальчиком» закончилось. И вообще, мне нужно учиться, а не думать о всяких глупостях. Мамуля вздохнула с облегчением: ей и меня с лихвой хватало, потому что я – копия своего отца и внешностью, и характером.

– Чего надо? – спросила я.

– Садись, Алька, – предложил пятикурсник, опустив стекло. – Подвезу.

– Я Саша! – завопила я. – Запиши на обоях – Са-ша! Алькой можешь звать свою собаку.

– У меня нет собаки. И я не виноват, что мы тезки. Неудобно друг друга Сашами звать. Поехали.

Он открыл пассажирскую дверь.

– На троллейбусе дешевле и безопаснее... Шурик! – мстительно заявила я, обошла открытую дверь и гордо направилась к остановке.

Глава 2

– Как можно короче, – решительно сказала я пожилой парикмахерше, сидя в кресле перед огромным зеркалом. Та с сожалением перебирала мои волосы.

– Чем они тебе не угодили, деточка?

– Я не деточка. Мне уже замуж можно выходить. Стригите.

– Да уж, – вздохнула она, вспомнив о чем-то своем. – Все вы замуж рветесь раньше, чем мозги созреют. Не жалко тебе шевелюру-то? Обратно ведь не приставишь.

– Мне не надо обратно, я все решила. Режьте сейчас же, – нетерпеливо притопнула я.

– Не могу, – вздохнула парикмахерша, – рука не поднимается. Пусть лучше Люба.

Пришла апатичная Люба со взглядом перекормленной коровы и безразлично спросила:

– Продавать будете? Знаю, кто купит.

– Нет, унесу на память. Заверните в газетку.

Люба молча принялась за дело.

Через два часа я вышла из салона красоты совершенно другим человеком – с короткой стрижкой цвета «горький шоколад» и с посветлевшей душой. Маме, без сомнения, станет плохо, когда она меня увидит. Мои длинные волосы – это только ее заслуга, она холила и лелеяла их с самого моего

детства. И всегда говорила, что длинные волосы придают девушке женственность и загадку, а с короткой стрижкой я стану похожа на сублильного подростка и растеряю всю пикантность. Я смотрела в зеркало на свой новый облик и понимала, что только сейчас эту пикантность и приобрела. Именно теперь у меня был шанс выделиться из толпы длинноволосых девушек, которые с детства слышали от своих мам то же самое, что и я.

Я пошарила в сумочке, добыла свой телефон и позвонила маме. Абонент недоступен. Наверно, опять мобильник дома забыла. Что-то в последнее время мама стала невнимательная. Не к добру это. Как бы она ненароком замуж не выскочила. Третьего папочку я не переживу, это факт.

Я набрала номер маминой аптеки. Мама подойти не могла, и я передала через ее напарницу, что сегодня задержусь и поужинаю у Кирилла. Он должен был вернуться из двухнедельной командировки. Я уже успела основательно соскучиться, и к тому же мне не терпелось поделиться с ним своими проблемами. Его ироничный взгляд на ситуацию иногда помогал найти верное решение.

Я прыгнула в затормозившую возле меня маршрутку и покатила к нему.

Кирилл Барс – мой биологический отец. Но папой я всю жизнь называю Василия, маминого мужа, и до окончания школы носила его фамилию – Тюлькина. Как только меня не дразнили – и «тюлькой», и «килькой». Была даже рассеян-

ная учительница, которая постоянно называла меня Селедкиной. Короче, достали с этой фамилией чрезвычайно, и к институту я стала уже Александрой Барс.

– Ты что с собой сотворила? – икнул дед, открыв мне дверь. – Вот куролесница, что-нибудь да отчебучит.

– Дед, ты столько прикольных слов знаешь! – восхитилась я. – Напиши мне списочек, буду однокурсников развлекать.

В прихожую выглянула Настя, молодая беременная жена Кирилла.

– Ой, Саша, ты постриглась! Как тебе хорошо! Сразу такая взрослая стала, – воскликнула она. – Теперь еще больше на Кирилла похожа.

– Он приехал? – поинтересовалась я.

– Да, еще утром, – вздохнула Настя. – Закрылся в спальне с компьютером в обнимку. Завтра статью сдавать.

Я прошла в комнату. Откуда-то сверху на меня сиганул котенок и повис на свитере. На второго я чуть не наступила, а третий подлез под меня как раз в тот момент, когда я опускалась на диван.

– Да чтоб вас всех! – закричала я, выкидывая котят одного за другим на середину комнаты. – И когда только вы их раздадите?

– Так не берет никто. Пытались уже, вон какие лоси вымахали, и все никак, – пожаловалась Настя. – Саш, ты ужинать будешь?

– Спрашиваешь! – живо откликнулась я.

Настя ушла на кухню.

– Новый год справляем в роддоме? – спросила я у деда, провожая взглядом ее неуклюжую фигуру.

– Да не хотелось бы, – отозвался тот из-за газеты.

– Кого ждете, мальчика или девочку?

– Настя на УЗИ просит ей не говорить, – буркнул дед. – Сюрприз хочет.

– Но ты наверняка внука ждешь?

– Естественно! Куда еще одну девку, солить, что ли?

– Можно подумать, девок куча! – возмутилась я. – По моему, я у тебя пока единственная внучка.

– И слава богу. Мне одной тебя по горлышко хватает, – заявил мой любящий дед. – Ты одна мне пятерых заменяешь.

– погоди, вот рожу тебе правнучку, – припугнула я его, – да еще на меня похожую. Станешь прадедом в шестьдесят лет, будешь тогда знать.

– Я тебе рожу! – погрозил мне дед. – Родит она! Рано еще.

– Имею право, – ответствовала я. – Совершеннолетняя. Буду в апреле.

– Один вон уже родил в восемнадцать лет, – проворчал дед, имея в виду Кирилла. – И чего хорошего из этого вышло?

– А чего плохого? Разве я тебе не нравлюсь? – спросила я и поднялась, отогнав ногой прицепившегося котенка. – Пойду поздороваюсь с ним.

– Куда? – вскинулся дед. – Он всех гонит, к нему нельзя.

– А на меня это не распространяется, – с достоинством ответила я и открыла дверь в спальню.

Сказать, что в комнате царил страшный беспорядок, означало не сказать ничего. Здесь обитал такой хаос, которого моя мама ни за что не допустила бы. Письменный стол, на котором стоял компьютер, был завален бумагами, дисками, ручками, маркерами. Все обозримое пространство над столом было заклеено стикерами разных цветов. На краешке стола примостилась кофейная чашка, поверх которой помещалось блюдечко с сухариками. Постель была смята, будто кто-то не раз бросался на нее с размаху и не менее резко вскакивал. А на полу распласталась огромная карта Самары. Перевернутая пепельница с рассыпанными вокруг нее окурками захламляла как раз район Безымянки, где проживали мы с мамой.

– Привет неутомимым труженикам! – сказала я, затворяя за собой дверь. – Творческий кризис?

Кирилл оторвался от монитора и широко улыбнулся. Раньше я с разлету повисала на нем, визжа как помешанная, но года четыре назад остепенилась и теперь ограничивалась внутренним ликованием. И лишь иногда, когда мы долго не виделись, я могла позволить себе поцеловать его.

С минуту Кирилл оценивающе смотрел на меня. Потом проговорил, приподняв одну бровь:

– Дама, вы к кому?

Его умение поднимать одну бровь всегда вгоняло меня в дикий восторг, но, сколько я ни пыталась, никогда не могла сделать так же – мои брови ездили вверх-вниз только синхронно.

– Мне нужен репортер хроники происшествий господин Барс. Я его незаконная дочь. Если он не захочет меня признать, этот факт станет достоянием широких масс.

– Это провокация, дорогая моя, подрыв кристальной репутации упомянутого господина. Я прекрасно знаю его дочь. Она очаровательная длинноволосая девочка. И никаких стриженных и крашенных детей у него нет. Так что, молодая особа, возвращайтесь обратно на обложку журнала.

– И это комплимент? Довольно дохленький для тебя, – вышла я из роли. – Давай, напрягись, я подожду.

– Боюсь, не получится. Я слишком шокирован. Что это с тобой?

– Я сменила имидж!

Кирилл снова оглядел меня.

– Ну? – не выдержала я. – Как я тебе?

– Как тебе сказать... чтоб не обидеть, – тянул время мой мучитель.

– Ну говори, хватит уже. – От нетерпения я даже подпрыгнула.

– Ничего, – сказал Кирилл без тени улыбки, – не расстраивайся. Ты все равно моя дочь.

И расхохотался, увидев мою надутую физиономию:

– Да пошутил, пошутил. Тебе очень идет.

– Правда? – просияла я.

– Просто красавица. Такая взрослая, даже страшно.

– Ну спасибо.

– У меня аврал, – сообщил Кирилл. – Пожалуй, придется всю ночь сидеть.

– Сиди, – разрешила я. – Но сначала я должна с тобой поговорить.

– А завтра нельзя?

– До завтра я не доживу.

– Что с тобой такое?

– Я влюбилась! – выпалила я и выжидающе уставилась на Кирилла.

Тот усмехнулся:

– Опять?

– Ничего не опять! – бурно возмутилась я. – Теперь по-настоящему.

– Беда с тобой. И сколько времени ты его любишь? Больше недели?

– Четвертый месяц.

– Невероятно! Просто рекорд. И он, конечно, женат.

– Нет. Но он любит другую.

В комнату осторожно заглянула Настя и позвала нас ужинать.

– Ладно, – вздохнул Кирилл, поднимаясь. – На голодный

желудок такую проблему не решить. Давай подкрепимся, а потом подумаем, как спасти от тебя этого несчастного молодого человека.

Глава 3

Первый раз я влюбилась, когда мне было пять лет. В Кирилла. Я жила тогда с мамой и папой и не знала совсем, что Кирилл – мой настоящий отец.

Хорошо помню, как он первый раз пришел к нам домой. Я смотрела «Спокойной ночи, малыши!», а папа и мама долго сидели с ним в кухне – даже забыли, что мне пора спать. Эту оплошность я использовала в угоду себе. Насмотревшись, как Хрюша рисовал кисточкой на большом листе бумаги, я решила, что тоже хочу стать настоящим художником. Я вытащила из папиного портфеля точно такой же лист, не обратив внимания, что с одной стороны он заполнен мелким шрифтом, и прикрепила этот лист пластилином прямо к обоям. Потом нашла свои акварельные краски и озадачилась, где взять воду. Ни на кухню, ни в ванную я идти не рискнула, чтобы родители не нарушили мои творческие замыслы. Поэтому я достала из серванта хрустальный фужер на ножке, набрала им воды из аквариума и принялась за дело. Листок, прикрепленный к стене, оказался мне маловат для самовыражения. Я рисовала все ниже и ниже, сначала на светлых обоях, а потом и на полу. Но вот беда: на линолеуме акварельная краска никак не хотела размазываться и собиралась в капельки. Я трудилась, стоя на коленях в зеленой луже и упорно возя ладошками по полу.

Мама, заглянувшая наконец в комнату, ахнула. Я вздрогнула и опрокинула фужер. У него тут же отвалилась ножка. Зеленая вода продолжала растекаться и впитываться в палас. Мама крикнула папе, чтобы он включал горячую воду, и бросилась за половой тряпкой. А Кирилл вошел в комнату и опустился передо мной на корточки.

Этот момент я запомнила на всю жизнь.

– Кто ты такой? – сурово спросила я его, сердясь, что взрослые все же помешали мне.

– Я Кирилл, – ответил он. – А ты кто такая?

– А я Саша, – сказала я и, оглядев его с ног до головы, сообщила: – Я вот рисую. Тебе нравится?

– Очень красиво. Ты любишь зеленый цвет?

– Да. И синий. И красный. И желтый. А у меня в субботу будет день рождения, и я буду задувать пять свечек. Папа надует много шариков, разных-разных.

– А мне в субботу будет двадцать три, – сказал Кирилл.

– И ты будешь задувать двадцать три свечки? – восхищенно поинтересовалась я, не представляя, как они все могут уместиться на торте.

– Нет, не буду, – ответил он с улыбкой.

– Это потому, что ты уже старый, – объяснила я. – Папа с мамой тоже старые, они не задувают.

– Когда я был маленьким, мне на торт тоже не ставили свечей, – сказал Кирилл.

Мне стало жаль его.

– Ты приходи, и мы вместе задуем мои, – предложила я. – А потом будем есть торт и пить лимонад. Хочешь?

– А можно? – спросил Кирилл.

– Если принесешь подарок, то можно, – великодушно разрешила я. – На дни рождения надо ходить с подарками. Не знаешь, что ли?

– А что тебе принести?

– Слона. Очень-очень большого! Мягкого и с хоботом. Папа только кукол покупает. А я хочу слона.

– Хорошо, будет тебе слон, – кивнул Кирилл. – Огромный. Выше тебя.

– Нет, таких не бывает, – недоверчиво проговорила я. – Я уже большая. Я выросла.

– Да, – согласился Кирилл, и его глаза стали грустными. – Ты выросла.

Когда мама отмыла меня от акварели и уложила в постель, я поведала ей, что у меня появился новый друг и что он придет на мой день рождения. Мама почему-то рассердилась и стала меня уверять, что он заходил лишь на минутку и больше никогда не придет. Он чужой, посторонний человек, и мне нужно его поскорей забыть. Она повторяла мне это всю неделю, но я твердила как заведенная: «Он придет, придет. Он принесет мне слона, большого-большого». Мама объясняла, что в магазинах таких слонов нет, они с папой уже искали, но я не слушала ее.

И он пришел. И принес мне огромного розового слона,

чья макушка доходила мне до подбородка. Этот слон до сих пор живет на моей заправленной постели, а на ночь я переселяю его на письменный стол. Где Кирилл взял этого слона, оставалось для меня загадкой долгое время, и, лишь когда я подросла, он признался, что летал за ним в Москву на ярмарку игрушек.

После дня рождения Кирилл стал у нас частым гостем. Мы с ним ходили в кино, в цирк, в кукольный театр и просто гуляли в парке. Два раза в неделю он возил меня в бассейн, встречал по вечерам из музыкальной школы. Я частенько бывала у него дома, иногда оставалась ночевать. Я обожала его и твердила родителям, что, когда вырасту, выйду за него замуж. Я говорила это и ему, а он только смеялся и отвечал, что к тому времени он будет уже старой развалиной и не сможет зарабатывать деньги, чтобы мне покупать шоколадки. Я кидалась к нему на шею и шептала в ухо, что шоколадки мне не нужны – нужен только он.

Кирилл и не подозревал, насколько все это серьезно, пока в одиннадцать лет я не вылила на небесно-голубое платье его подружки тарелку борща. Извиняться наотрез отказалась. Пока зареванная девица плескалась в ванной, отстирывая от платья бордовое пятно, Кирилл посадил меня перед собой и строго спросил:

– Ты зачем это сделала? Чем она тебе не понравилась?

– Пусть найдет себе другого жениха, а ты мой! Мой! – завопила я и разрыдалась. – Это я выйду за тебя замуж, а не

она!

Он помолчал, потом достал платок и вытер мне щеки.

– Ты еще маленькая, Сашок. Мне не хочется тебя расстраивать. Давай забудем об этом, но пообещай, что больше так не сделаешь.

– Сделаю! Еще хуже! – настырно прохлюпала я. – Ты должен любить меня, а не ее!

– Я и так тебя люблю. Ты мне как... – он запнулся, – как сестра. Я на тебе никогда не женюсь. Пойми, никогда!

Тут я устроила ему истерику с битьем посуды, швырянием ложек об стены и подкидыванием тапочек к потолку, после чего он отвел меня домой, так и не отказавшись от своих жестоких слов. Я дулась на него недели две, потом узнала, что он расстался со своей подружкой (очень может быть, что мой борщ сыграл не последнюю роль), и мы стали общаться как раньше.

Больше полугода я не видела рядом с ним ни одной женщины. Скорее всего, он прятал их от меня. И вот как-то в начале лета (мне тогда уже исполнилось двенадцать) я каталась на велосипеде в парке, как вдруг на скамейке в кустах усекла парочку. В мужчине я с ужасом узнала моего Кирилла. У меня отнялся язык, потемнело в глазах. Мой Кирилл обнимал какую-то белую крысу, что-то шепча ей на ушко. Крыса счастливо смеялась и качала головой.

В меня будто бес вселился. Я разогналась и свернула на тропинку, ведущую прямо к скамейке. Ночью шел сильный

дождь, и рядом застыла большая грязная лужа. Велосипед на полном ходу пронесся по ней, мощно окатив влюбленную парочку. Раздался вскрик Кирилла и истошный визг белой крысы. Мне этого показалось мало, я буквально жаждала крови. Развернувшись, я понеслась назад. Но во второй раз моя месть не удалась. Крепкие руки схватили руль велосипеда. Больно ударившись о раму, я кувырнулась в лужу, подняла глаза и увидела суровое лицо Кирилла.

В этот самый страшный для меня день я и узнала, кем он приходится мне на самом деле и почему никогда, никогда не сможет на мне жениться.

Глава 4

Историю шальной, непутевой любви моей матери и Кирилла я по крупицам собирала не один месяц и не один год. Зато мне стало наконец более-менее ясно, как все происходило...

В свои семнадцать Кирилл Барс выглядел намного старше. Он сдавал экзамены для поступления на факультет журналистики и одновременно работал в местной газете «Самарский вестник» внештатным корреспондентом. Сколько себя помнил, он всегда строчил заметки в школьную стенгазету, и свою жизнь с журналистикой связал без раздумий. Весь июнь Кирилл не вылезал из редакции, выпрашивал себе дополнительные задания, рыскал по городу в поисках чего-нибудь свеженького, а потом запирался в своей комнате и писал-переписывал заметки, статьи и очерки. Большею частью их печатали, и Кирилл всегда имел кое-какие карманные деньги.

И вот в один прекрасный день он переступил порог медицинского училища, того самого, где сдавала последний экзамен Марина Ширяева, моя мама.

Маме шел двадцать первый год. К тому времени она больше трех лет была знакома со своим женихом. Василий Александрович работал в окружном военном госпитале, где Марина лежала с воспалением легких, и постепенно у них завяз-

зались отношения. Василий не мог не нравиться – спокойный, внимательный, рассудительный, порядочный, с хорошей стабильной работой. Да и вообще, свой врач под боком – большое дело. Именно по его совету Марина после школы пошла в медучилище. Он был старше мамы на девять лет, с ним было хорошо и надежно.

Взяв интервью у директора училища, Кирилл задержался в коридоре, чтобы поговорить с выпускницами. Марина в это время стояла у окна и ждала подружку, которую все еще мучили экзаменаторы. Она с удивлением разглядывала молодого симпатичного журналиста. А он сыпал шутками, расспрашивал студенток об экзаменах, что-то рассказывал сам. Марина поймала на себе его внимательный взгляд – и ей вдруг стало тревожно, захотелось сбежать. Но она продолжала стоять и смотреть на парня со смешанным чувством раздражения и восхищения.

А когда он подошел... У нее заколотилось сердце, ее начала бить дрожь. Еще никогда мужчина не производил на нее такого впечатления. Тем более мальчишка. Марина видела, что он моложе ее, но не предполагала, что на целых три года. Они перекинулись парой общих фраз о суровых экзаменаторах и распределении, потом он вдруг спросил напрямик, свободна ли она. Марина поняла вопрос по-своему и ответила, что скоро выходит замуж.

– Когда? – поинтересовался Кирилл. – Сегодня?

– Нет, – растерянно ответила Марина. – В конце августа.

– Ну, тогда у нас полно времени, – засмеялся Кирилл.

Она ушла вместе с ним, забыв о подруге, о Василии и обо всем на свете.

Позже мама называла первое время знакомства с Кириллом своим затмением. Она порвала с женихом, разругалась в пух и прах с матерью и перебралась вместе с любимым в комнату в коммуналке. Даже самая близкая подруга говорила, что она помешалась – связалась с сопливым молоко-сосом.

Но постепенно Марина начала прозревать. Любовная пелена сходила с глаз. Не так она себе представляла семейную жизнь. Ей хотелось, чтобы рядом был надежный мужчина, который бы обеспечивал ее и заботился о ней. Словом, такой, как Василий. С Кириллом было безумно весело и интересно, но он оставался мальчишкой, безалаберным, непрактичным. Он не замечал, порядок в их доме или бардак, он не клал свои вещи на место, мог целый день бегать голодным в поисках материала, а вечером завалиться на кровать в пыльных брюках и ботинках. Иногда забывал предупредить, что задержится, мог уйти на рассвете и не появляться до полуночи. В довершение этого в коммуналке было трое соседей, а вот горячей воды не было совсем.

Марине быстро приелась неуютная жизнь. К тому же она желала, чтобы Кирилл уделял все внимание ей, но у него была еще одна страсть – журналистика. Бывало, Кирилл писал целыми днями, а Марина сидела возле него и ждала. Чем ей

еще было заниматься, ведь у них не имелось даже телевизора. Она хотела к морю в романтическое путешествие, а ему первого сентября нужно было идти в институт...

Марина держалась из последних сил, пытаясь создать семейный очаг из страшной ободранной комнатухи и правильного супруга из ветреного подростка. Но однажды, поняв тщетность своих усилий, она собрала те немногие вещи, которые принесла с собой, и вернулась к матери.

Кирилл день и ночь осаждал ее квартиру, беспрестанно звонил, залезал по пожарной лестнице на балкон. Но и Василий приходил несколько раз, приносил огромные букеты цветов, уговаривал Марину опомниться. Измученная Марина, лежа в темноте без сна, сравнивала двух мужчин, и чаша весов склонялась не в пользу Кирилла.

В конце концов, когда он пропал в очередной раз и от него двое суток не было вестей, Марина решилась. Она поехала к бывшему жениху, и они в тот же день подали заявление. Причем Василию удалось все устроить так, что работники загса согласились расписать молодую пару через две недели.

Придя к Марине, Кирилл попал прямо на свадьбу.

Марина буквально выволокла его на лестничную площадку. Кирилла не слушались ноги, на него нашло что-то вроде ступора. Он отказывался верить в происходящее. Марина дрожала – надо же, когда его принесло, только первый раз крикнули «горько»! И как она теперь сможет целоваться с

Василием?

– Ты что, в самом деле выходишь замуж? – едва выговорил потрясенный Кирилл. – По-настоящему? По правде?

На Марине было белое платье и фата.

– Да я вышла, дурак, уже вышла! – закричала Марина, и из ее глаз потекли слезы. – Я его жена, у меня его фамилия! Я теперь Тюлькина. Ты понял? Уходи сейчас же!

– Но почему? Зачем он тебе?

– А ты мне зачем? У тебя на первом месте работа. И на втором, и на третьем – только работа и работа. Ты утонуть готов в своей работе. А для него главное – я. Я нужна ему.

– А как же я? Мне ты тоже нужна.

– Тебе я не нужна. Ты счастлив в своей редакции. Там твоя семья.

Марина достала платочек и осторожно, чтобы не испортить макияж, вытерла глаза.

– Кирюша, милый! Я тебя очень люблю. Но жить с тобой я не могу. Мы слишком разные.

– Как же ты с ним будешь жить, без любви? – с горечью спросил Кирилл.

– Не хочу я больше никакой любви, – устало вздохнула Марина. – Без нее спокойнее.

Она ушла. Бушевавший внутри Кирилла вулкан вырвался наружу, и он начал в исступлении колотить кулаком бетонную стену, не чувствуя боли, пока его не остановил проходящий мимо сосед-старичок. Только тогда парень заметил, что

его правая рука в крови.

Рука четыре недели была в гипсе и потом еще долго болела по ночам, напоминая о том, о чем хотелось забыть. Наконец Кирилл справился с собой. Он больше не искал встреч. Отучившись на факультете журналистики один год, он ушел в армию.

А у мамы родилась я. Как раз в день рождения Кирилла, пятого апреля. Папа с самого начала знал, что я не его ребенок. Когда он уговаривал маму вернуться к нему, она сразу же заявила, что беременна от Кирилла. Но Василий, обдумав все хорошенько, все-таки организовал свадьбу, после чего семья Тюлькиных отбыла в Омск. Мы прожили там пять лет, а потом вернулись в Самару.

Кирилл в то время учился на четвертом курсе. Как-то в конце марта он обратил внимание на то, что его отец чем-то озабочен, и принялся выведывать причину. Тот сначала мялся, отнекивался, потом нехотя признался:

– Марину недавно встретил, с мужем. Не знал, стоит ли тебе говорить.

Кирилл почувствовал, как засосало под ложечкой. Зачем она вернулась? Оставалась бы далеко, в другом городе...

– Дочка у них, – продолжил мой дед и замешкался.

– Как зовут? – машинально проговорил Кирилл.

– Сашенька.

Кирилл помолчал немного, потом глубоко вздохнул и

тряхнул головой.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Значит, теперь у нее настоящая семья.

– Мне кажется, я могу показать тебе фотографию девочки...

– Что? – удивился Кирилл. – Она дала тебе фотографию? С какой стати?

Его отец не ответил, достал из шкафа семейный альбом, полистал и, найдя нужную страницу, положил перед сыном. На снимке был изображен давно не стриженный, обросший Кирилл в пятилетнем возрасте.

– Ты что, пап, это же моя фотография! – Кирилл с недоумением взглянул на отца.

Тот молча кивнул. И когда до Кирилла дошло, у него перехватило дыхание.

– Сколько ей лет? – чужим голосом проговорил он.

– Почти пять.

– Точно, пять. Ей должно быть пять.

– Она родилась пятого апреля.

– Пятого апреля?!

Кирилл сорвался с места, схватил куртку и, не слушая отца, старавшегося его остановить, побежал к остановке.

Мама даже и не пыталась ничего отрицать. Только просила, чтобы я ничего не узнала. Я очень любила Василия, которого считала папой. А Кирилл стал для меня взрослым дру-

гом, возлюбленным...

Только в двенадцать лет, после эпизода с велосипедом, я узнала правду. Мама сопротивлялась, просила Кирилла опомниться, но тот был непреклонен. Если в двенадцать лет Саша приходит в ярость от одного вида девушки рядом с ним, что будет дальше? Нужно немедленно пресечь ее буйную фантазию. Надумай он жениться, где гарантия, что эта сумасбродка не плеснет в лицо невесте зеленки, краски или чего похуже?

В подробности меня не посвящали. Просто объяснили: так, мол, и так, дорогая, так вышло, что человек, которого ты всю жизнь звала папой, вовсе тебе не отец. А вот человек, за которого ты собралась замуж, и есть твой настоящий папочка.

Целый месяц я ни с кем не разговаривала. Маму и Василия сторонилась, а перед Кириллом вообще захлопывала дверь. А потом шагнула на шоссе перед идущей машиной. Водитель в последний момент успел затормозить, и машина лишь слегка задела меня. Но я упала, ударилась головой об асфальт и две недели пролежала в больнице с сотрясением мозга.

Все это время Кирилл не отходил от моей постели. Постепенно мы снова стали общаться, но отцом я его все равно не считала. Это по-прежнему был друг, только теперь за него нельзя было выйти замуж. А Василий так и остался для меня настоящим папой, спокойным и добрым.

Правда, через два года он ушел к другой женщине, которая ждала от него ребенка. Родители развелись без скандалов и раздела имущества. Их семейная жизнь изжила сама себя, и они почувствовали, что не нужны друг другу. У меня появился сводный братишка Никитка, а мама и Кирилл попробовали пожить вместе, но выдержали двадцать дней. Совместный быт был не для них. Да и чувства поостыли...

Глава 5

Настя поставила на стол глубокую миску с дымящимися пельменями. Мы с Кириллом одновременно потеряли руки и рассмеялись, посмотрев друг на друга.

– Саш, тебе с бульоном? – спросила Настя, тяжело передвигаясь по кухне.

– Настя, чего ты ее спрашиваешь? – влез дед. – Клади ей все то же, что ест твой муж.

– Это гены, – гордо сказала я.

– Да какие гены! – хмыкнул дед. – Просто с самого детства ты смотрела ему в рот и обезьянничала – что он, то и ты. А теперь, конечно, привыкла. Вот тебе и все гены.

Я покосилась на Кирилла. Его мысли носились где-то далеко, и он не спешил вступить за гены. Настя улыбалась, с обожанием глядя на супруга. Она по-другому не умела на него смотреть. Наверно, раньше я смотрела на него так же, еще до того, как узнала правду. Какая несправедливость! Почему мой родной отец не Василий? Сейчас все было бы по-другому. Только я и Кирилл. И никакой Насти.

– Ну, рассказывай теперь, – сказал Кирилл, когда мы вернулись в спальню. – Только в темпе.

Я вкратце обрисовала ситуацию и начала подробно и с удовольствием расписывать достоинства моего кумира.

– Судя по всему, шансов у тебя никаких, – безжалостно подвел итог Кирилл.

– Почему это? – оскорбилась я. – Я вроде бы не уродина и не умственно отсталая.

– Поверь мне, не в этом дело. Любят всяких, и уродин, и дурачков.

– Но у меня есть шикарный план. С твоим участием, кстати.

– Уже становится страшно.

– Ты должен пойти со мной на Крисмас и взять ее на себя.

– Чего-чего? Куда я должен пойти?

– Рождественский вечер в нашем институте, называется Крисмас. «Рождество» по-английски. Для английского отделения, для всех курсов. Я там выступаю, между прочим. После концерта будут танцы. Ты сделаешь так, чтобы она не вертелась рядом с ним. Изолируешь ее. Понимаешь?

– Понимаю, что ты сошла с ума, – заключил Кирилл.

– А что тут такого? – удивилась я.

– У меня беременная жена, а ты заставляешь меня крутить шашни с какой-то девчонкой!

– Ой, подумаешь! Ты же только потанцуешь с ней немного, чтобы я смогла наконец с ним поговорить. Ничего с твоей беременной женой не случится. Скажешь, что пошел смотреть мое выступление.

– Сашка, ты спятила, – покачал головой Кирилл. – Я же тебе говорил, больше я в твоих авантюрах не участвую.

– Ну Кирилл! Последний раз!

– Несчастные влюбленные! Живут себе спокойно и не знают, что на них надвигается тайфун по имени Александра Барс.

– Будешь мне помогать? – рассердилась я. – Или я уйду!

– Сашок, не морочь мне голову.

– Да или нет?

– Ладно, – сдался Кирилл. – Я приду. И потанцую с тобой...

– Ольгой, – обрадованно подсказала я. – Платошиной Ольгой.

– Но больше ничего делать не буду, так и знай!

– А больше ничего и не надо! Смотри, на двадцать четвертое ничего не планируй. После шести ты мой.

– Все, Сашок, мне надо работать, – сказал Кирилл и включил монитор.

– Уйду, уйду. Меня уже нет. – Я поспешила к выходу. Возле двери я остановилась и, подняв указательный палец, провыла утробным голосом:

– Запомни! Двадцать четвертое!

Кирилл сделал вид, что собирается запустить в меня мягкой игрушкой. Я изобразила панический ужас и шмыгнула за дверь.

Когда я одевалась в прихожей, меня окликнула Настя:

– Саш, ты котеночка не возьмешь?

– Я бы взяла, – вздохнула я. – Но если я принесу домой

животное, мама с ума сойдет от радости. А зачем мне сумасшедшая мама?

Мама, на свое счастье, в тот вечер так и не увидела меня в новом облике. А то у нас по ночам проблемы с машинами скорой помощи. Она позвонила около двенадцати, когда я уже выучила громадный текст по английскому и забралась в постель с электронной книжкой и бутербродом.

– Саша, я сегодня останусь у тети Лены, – сказала она. – Мы ходили в кино, и теперь поздно ехать домой. Я забегу утром, перед работой, но надеюсь, что ты не проспишь и тебя уже не будет. Заведи будильник. Ты помыла посуду?

– Я всю сплю, – сообщила я. – Ты меня разбудила.

– Это значит, что посуда грязная?

Мама не переносила, когда посуда не мылась сразу же после того, как была использована. По ее мнению, отправив последнюю ложку в рот, нужно вскакивать, нестись к раковине, без промедления мыть тарелку и эту самую ложку и только тогда спокойно существовать дальше.

– Ну, мам, я потом помою, – сказала я, стараясь жевать потише. Ведь, по легенде, я уже видела десятый сон.

– Когда потом? – В ее голосе послышались недовольные нотки.

– В следующей серии.

– Саша!

– Ладно, не будем терять драгоценные минуты отдыха...

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Привет тете Лене!

Я положила трубку. Потом убрала книжку и выгребла из постели крошки. Потушив лампу, скользнула под теплое одеяло. «Мы с тетей Леной ходили в кино»! Будто я не знаю, что у этой «тети Лены» рыжие усы и лысая макушка. Так бы и говорила – пошла к своему Сергунчику. Тем более что встречается с ним с апреля. Тем более он разведенный. И чего шифруются? Она ни разу не привела его домой, во всяком случае при мне. Наверное, не хочет, чтобы он узнал, какая язва у нее дочь. Мне до лампочки, пусть конспирируются, если им так нравится, но неприятно, когда тебя держат за идиотку.

Утром я, конечно же, проспала, потому что надо мной не стояла мама и не дергала меня за одеяло через каждые две минуты. Я пулей носилась по комнатам, одеваясь, перекусывая на ходу и время от времени подбегая к кухонному столу, чтобы хлебнуть кофе. В конце концов я выскочила к лифту, забыв учебник по английскому, но не забыв устроить маме суперсюрприз. Я выложила на журнальный столик свои отрезанные волосы вместе с запиской, написанной печатными буквами левой рукой: «Ваша дочь похищена. Ждите звонка с дальнейшими указаниями».

Глава 6

Перед первой парой меня обступили девчонки из нашей группы, пораженные моим новым обликом. А Горохов показал мне два больших пальца и картинно закатил глаза. Всеобщее одобрение так воодушевило меня, что я блистала на английском, заработала целых две пятерки и устную похвалу Данилевского.

В столовую я летела как на крыльях. Вот сейчас он меня увидит, и в его глазах вспыхнет интерес. Он поймет, какая я стильная, классная и непредсказуемая. И непременно захочет познакомиться со мной поближе.

Но в столовой меня ждало разочарование – как я ни старалась, не могла разглядеть в очереди знакомую высокую фигуру. Странно. Может быть, их отпустили с пары пораньше и они уже успели поесть? Мой выход в таком случае откладывался до завтра: сегодня у нас не было ни одной совместной лекции с пятнадцатой группой. Но не успела я расстроиться, как заметила в глубине зала Катюху Казанцеву, знаменитую болтушку и сплетницу, которая училась как раз в пятнадцатой английской. Если уж она не знает, где сладкая парочка, то не знает никто. Я взяла себе сок и булочку с маком и присела за Катюхин столик.

- Что это вас сегодня мало? – спросила я, заходя издалека.
- Так у нас сегодня первой пары не было, – сказала пух-

лая Казанцева, с аппетитом уплетая борщ. – Еще никто не проголодался.

– А ты?

– У меня режим, мне надо есть вовремя. У меня с желудком проблемы.

Я посмотрела на количество тарелок на ее столике и подумала, что такого режима ни один нормальный желудок не выдержит.

– А чего спортсменку не взяла с собой? У нее разве нет режима? – спросила я, имея в виду Платошину, которая играла в баскетбол за наш иняз. – Обессилеет без еды, мячом по кумполу получит.

– А, у нее вообще нет аппетита, – махнула рукой Катя, – она в печали.

– Что так? – Я наострила уши. Соперница в печали – это уже интересно.

– Геныч ногу сломал, – сообщила Казанцева. – Придет только во втором семестре.

Как так – во втором семестре?! Вот тебе и раз! Я застыла со стаканом в руке. А как же мои планы и Крисмас? А как же наш медленный танец? Он будет кружить меня в вальсе, постукивая по паркету гипсом? Ну полный облом!

– Он что, учиться не будет? Сессия скоро, – потерянно сказала я, отодвигая недоеденную булочку. Теперь я тоже была в печали и без аппетита.

– А Ольга на что? – резонно заметила Казанцева. – Все

равно торчит у него каждый день. Заодно и помо...

– Адрес Славинского знаешь? – перебив Катюху на полуслове, спросила я.

– Мы одиннадцать лет в одной школе отучились! – оскорбилась она. – Как это я не знаю?

– Пиши, – я положила перед ней свою тетрадь по русскому.

– Хочешь навестить? – понимающе кивнула она.

– Вовсе не хочу. Просто... он забрал у меня флешку с текстом для аудирования, – принялась выкручиваться я. – Сегодня обещал отдать. Мне этот текст вот как нужен!

Я провела рукой по горлу. Естественно, никто у меня ничего не забирал. Но это единственный повод, который мне удалось придумать в такой рекордно короткий срок.

– Сказала бы Ольге, – пожала плечами Казанцева, выводя в тетради адрес. – Она завтра бы тебе принесла.

– Да зачем! – воскликнула я. – Мне как раз по пути.

Я покосилась на адрес. Ага, по пути, как же! Другой конец города. Добираться больше часа. Но упустить такой случай? Никогда! Ради этого можно даже пожертвовать четвертой парой, хотя с преподавателем мировой художественной культуры у нас уже не раз возникали разногласия.

Я отыскала нужный дом и остановилась у подъезда, совершенно не представляя себе, по какой же такой уважительной причине я сюда приехала. Как назло, ничего подходящего в

голову не лезло. Оставалось надеяться на то, что мне удастся сымпровизировать.

Не успела я поднести руку к кнопкам домофона, как из подъезда выскочила огромная черная собака и сбила меня с ног. Я с размаху шлепнулась на притоптанный возле крыльца снег. Собака обежала вокруг, затем прыгнула на меня, молниеносно облизала мое лицо и понеслась галопом на ближайшую детскую площадку. Вслед за ней вылетела девчонка лет тринадцати-четырнадцати, натягивая на ходу шапку и отчаянно крича:

– Грей, ко мне! Грей!

«Почему Грей? – пронеслось у меня в голове. – Собака-то черная».

Девчонка бросилась было за собакой, но потом подбежала ко мне и подала руку.

– Извините, пожалуйста, простите, пожалуйста, – затараторила она. – Грей не кусается, он добрый, только хулиган.

– Держать надо крепче, – сердито отозвалась я, отряхиваясь. – Собака Баскервильей тоже не кусалась. Однако трупы были.

– Не могу я его удержать, – жалобным голосом проговорила девчонка. – Он такой сильный! И не слушается меня. Грей, иди ко мне, кому говорю!

Добрый хулиган Грей вдохновенно носился по заснеженной детской площадке, ныряя по шею в снег и выбираясь из него гигантскими прыжками. Длинный коричневый реме-

шок поводка ужом скользил следом.

– Ты так каждый день мучаешься? – более дружелюбно спросила я, приведя наконец себя в порядок.

– Нет, – ответила девчонка, напряженно следя за собакой. – Я с ним никогда не гуляю. Утром выводит отец, а днем и вечером – брат. Только брат вчера сломал ногу... Грей, Грей, стой, скотина ты этакая!

Она рванула за собакой, которая уже пересекла дорогу за детской площадкой и маячила у магазина.

Ну надо же! Какая удача! Сегодня точно мой день. Сейчас поближе познакомлюсь с сестренкой и послушной собачкой, и они приведут меня прямо к постели больного. Даже и выдумывать ничего не придется.

Я оставила сумку на скамейке у подъезда (все равно красть там было нечего, кроме знаний) и поспешила на помощь девчонке, ставшей вдруг такой родной. Она уже тащила на поводке своего упирающегося пса. Через дорогу он позволил себя перевести, но на детской площадке начал выделывать такие кренделя, что хозяйка вновь упустила его. Минут двадцать мы вдвоем ловили эту противную собаку, которая буквально издевалась над нами. Пес то катался на спине, утрамбовывая в снег поводок, то носился кругами, как карусельная лошадка, а иногда подпускал нас к себе довольно близко. Причем одна из нас подзывала его сладеньким голосом, обещая всякие блага, которые только была способна придумать, а другая тем временем на коленях подпол-

зала с противоположной стороны, стараясь незаметно дотянуться до поводка. Хитрая зверюга слушала ласковые речи, умудряясь коситься на нас обеих одновременно и при этом делать вид, что совершенно ничего не замечает. И когда поводок уже практически оказывался в наших руках, Грей вдруг совершал такой искусный прыжок в сторону, увидев который австралийский кенгуру просто скончался бы на месте от зависти. И все начиналось сначала.

В процессе ловли мы с девчонкой успели познакомиться, подружиться и «случайно» выяснить, что ее брат учится со мной на одном факультете. Я тут же приплела дальнюю родственницу, живущую в соседнем доме, которой нет дома, но которую мне обязательно нужно дождаться. А на улице неслабый мороз, намекнула я. И все, дело было в шляпе. Полина (так звали мою новую знакомую) тут же пригласила меня на чашечку чая, оговорив заранее, что чаем меня напоит брат, так как ей самой через двадцать минут нужно быть в музыкальной школе. Я чуть не взвыла от счастья.

Мы наконец поймали балбеса Грея, четырьмя руками вцепились в поводок и поволокли упирающееся животное к лифту. И тут его словно подменили. Из лифта на площадку чинно вышел умный послушный пес и сел возле двери, спокойно ожидая, пока ее откроют, будто не он пять минут назад гонял нас по всему двору.

Войдя в квартиру, Грей сразу упал на свою подстилку, положил голову на передние лапы и прикрыл глаза. Я почув-

ствовала, что так устала за время этих скачек, что с удовольствием сделала бы то же самое. Наклонившись, я погладила пса по морде. Он с готовностью облизал мою руку и попытался помахать огрызком хвоста. Ну просто не найти на земле собаки милее!

Зато Полина, сбросив пальто на тумбочку, начала носиться по всей квартире, словно фурия, вопя во все горло (очевидно, чтобы ее было слышно брату в дальней комнате):

– Чтобы я еще хоть раз пошла с этой глупой собакой! Если теперь я опоздаю в музыкалку, получишь ты! Понял? Генка! Хватит валяться, вставай, у нас гости. Напои человека чаем. Генка! Але, гараж!

Она снова надела пальто, потом схватила косметичку из прозрачного пластика, вероятно мамину, и принялась выуживать из нее помаду.

– Ты раздевайся, – предложила она, пытаясь одновременно говорить и красить губы. – Генка там, по коридору и налево. Сейчас выйдет. Мне и правда пора!

Она сделала неловкое движение, и содержимое косметички разлетелось по всему коридору. Полина протяжно застонала.

– Иди, – сказала я. – Я соберу.

Она торопливо поблагодарила, схватила сумку и пулей вылетела из квартиры. Я присела и принялась бросать в прозрачную косметичку тюбики, баночки, коробочки. У меня тряслись руки в предвкушении волшебного момента. Вот

сейчас застучат костыли по коридору... И я смогу встретиться с ним взглядом, впервые один на один, в пустой квартире! Никого вокруг, только я и он. Он подойдет, волоча за собой загипсованную ногу, проникновенно посмотрит мне в глаза и произнесет голосом, от которого я отправлюсь прямо на небо: «Сашок, как долго я тебя ждал!»

Время шло, но никто не появлялся и на небо меня не отправлял. Подобрав последнюю баночку с рассыпчатой пудрой, я водворила на место косметичку и придирчиво глянула на себя в большое овальное зеркало на стене. Ну конечно, карандаш на нижнем веке размазался. А еще фирма! Триста семьдесят рублей отдала за то, чтобы после гонок за собакой выглядеть как чучело, с черными пятнами под глазами!

Схватив с тумбочки ватную палочку и послунявив ее, я постаралась исправить этот ужас. Стало немного лучше. Но теперь огорчал хаос на голове – моя стильная прическа превратилась под шапкой в нечто непонятное. Кто бы мог подумать, что с короткими волосами проблем намного больше, чем с длинными? Мало того что их утром нужно уложить феном (чего я совершенно не умею делать), так еще после шапки они выглядят, словно их нарочно тренировали стоять дыбом. Срочно нужна пенка для укладки, чтобы исправить это полное безобразие.

Я оглянулась вокруг и заметила небольшой баллончик лака для волос на краю тумбочки. Решив, что сойдет и лак, я схватила его и попыталась побрызгать на волосы. Безрезульт-

татно. Жидкость в баллончике была, но шишечка нажиматься никак не хотела.

Что же делать? Это мой единственный шанс. Я просто обязана сейчас произвести хорошее впечатление. Ведь первое впечатление всегда самое стойкое.

Я достала из своей сумки булавку, сняла шишечку с баллончика и потыкала острием в отверстие. Сейчас мы тебя прочистим, будешь распылять как миленькая. Для надежности я еще дунула в нее и вставила обратно. Нет, брызгалка не желала выполнять свои обязанности. Тогда я снова сняла ее и оглядела торчащий из баллончика штырек. Может быть, забился он? Я засунула булавку в отверстие штырька и нажала что есть силы. Выбившаяся из-под булавки струя лака хлестнула меня по глазам, я выронила баллон и заорала от неожиданности. Глаза тут же запылали огнем, я прижала к лицу руки и заметалась по коридору, лихорадочно пытаюсь определить, в какой стороне находится ванная. Слезы текли ручьем, я практически ничего не видела. Тушь попала в глаза, их жутко щипало. Я жаждала холодной воды, в которую можно было бы опустить лицо, и на красоту мне уже было совершенно плевать – лишь бы унять нестерпимое жжение. Я спотыкалась обо что-то на полу и шарила руками по стенам, пока не нащупала гладкую поверхность двери. Зрительно помня, что все комнаты остались в другой стороне и в этом районе ничего, кроме ванной и туалета быть не должно, я уверенно рванула дверь на себя и сделала шаг вперед.

И тут на меня что-то посыпалось. Я рухнула на пол, инстинктивно прикрыв голову руками. Сверху с грохотом летели свертки, пачки, шуршало что-то бумажное... В довершение какой-то тяжелый рулон больно ударил меня по спине. Наконец шквал предметов иссяк, я решилась убрать руки и приоткрыть слезящиеся глаза, которые, казалось, невероятно опухли и выпирали на несколько сантиметров. Первое, что я смогла разглядеть перед собой, были зеленые спортивные штаны, переходящие в клетчатые домашние тапочки. Вернее, всего одна зеленая штанина переходила в тапочку. Вторая заканчивалась чем-то ослепительно белым и неуклюжим. Мне понадобилось какое-то время, чтобы сообразить, что это белое и неуклюжее не что иное, как гипс. Я с замиранием сердца подняла голову. На меня, сидящую на полу в кладовке, в самом центре пестрой мусорной кучи, с изумлением смотрели самые дорогие для меня карие глаза.

Я столько раз рисовала в воображении нашу первую встречу наедине, столько раз озвучивала его первые фразы, но так и не смогла угадать, что именно он мне скажет.

– Ты кто? – озадаченно спросил объект моей безумной страсти. – Откуда ты здесь взялась?

Глава 7

Я могла бы проплыть перед ним в ослепительном вечернем платье, с едва заметным легким макияжем и отлично уложенной прической. Я могла бы случайно столкнуться с ним в холле института, будучи просто в джинсах и свитере, с кокетливо взъерошенными прядками волос и от этого еще более привлекательная. Но нет! Надо было такому случиться, что он нашел меня в своей кладовке, заваленную всякой всячиной, с всклокоченной головой и повисшей на ушах пылью, с грязными потеками на щеках и с красными, как у кролика-альбиноса, глазами.

Где справедливость? Почему я не провалилась на нижний этаж, как только он подошел, почему не превратилась в букашку и не затерялась под ворохом старых газет? Почему вынуждена была бессвязно лепетать и оправдываться? Доведется ли мне когда-нибудь пережить еще больший позор?

Я промывала глаза пригоршнями ледяной воды и мечтала испариться, исчезнуть из этой ванной и никогда больше не появляться здесь. Или отмотать пленку назад и, как только в моих руках окажется злополучный баллон с лаком, нажать стоп-кадр. Если бы знать, где и когда нужно его нажимать, как бы это облегчило жизнь! Особенно мою.

После десятиминутного плескания под краном я промокнула лицо полотенцем и посмотрела в зеркало. Лицо напо-

минало вареную свеклу, глаза заплыли и превратились в узкие щелочки. Ну полный отпад! Хоть картины пиши! Василиса Прекрасная! Никогда бы не подумала, какое страшное оружие российский лак для волос. И газового пистолета не надо, носи его в сумочке – никакой маньяк не страшен.

Я вышла из ванной, размышляя, где находится хозяин квартиры и успею ли я слинять прежде, чем он увидит меня еще раз. Словно прочитав мои мысли, он крикнул:

– Я на кухне! Иди сюда. Чайник вскипел.

Я решила, что терять мне больше нечего, раз мой наполеоновский план закончился полным провалом, и направилась на голос, щуря натертые глаза. Славинский разливал кипяток по чашкам.

– Как это тебя угораздило? – с сочувствием спросил он. – Без глаз ведь можно остаться.

– Полина рассыпала косметичку, – виновато сказала я, усаживаясь на мягкую скамейку кухонного уголка. – Она торопилась, и я пообещала собрать. У лака отлетела кнопочка, я стала вставлять... Вот и вставила себе в глаза...

– Угощайся. – Он подвинул ко мне вазочки с печеньем и конфетами. – А я не слышал, как вы пришли, я музыку слушал, в наушниках. Потом выключил, слышу – грохот, крик! Грей лает, надрывается. Думал, Полька откуда-нибудь навернулась. Подошел, вижу – девчонка незнакомая в кладовке сидит.

– Ты меня и правда не помнишь? – старательно пряча оби-

ду, спросила я. – Я в тринадцатой группе учусь. В той, где Борька Горохов.

– Горохова помню. А девчонок еще не всех выучил. Как тебя зовут?

– Саша.

– А я Гена. Все называют меня Геныч.

– А что с тобой произошло? – Я показала на гипс.

– Упал, потерял сознание. Очнулся – гипс. – Геныч засмеялся. – Тоже нелепая случайность.

– Надолго?

– Недель на пять. До самой сессии на одной ноге прыгать.

– Не повезло.

– Это как поглядеть. Можно на лекции не ходить. Можно спать по утрам. Можно уже сейчас готовиться к экзаменам. Так что, Саша, в каждой гадости есть свои радости.

– Ага, – кивнула я. – Только нужно уметь их разглядеть. Хотя обычно бывает наоборот, в каждой радости обязательно найдется какая-нибудь гадость.

Понемногу мы разговорились об институте, о преподавателях. Геныч оказался классным собеседником – рассказывал со вкусом и слушал внимательно, не перебивая. Через двадцать минут я уже забыла о недавнем инциденте и была полностью очарована своим избранником. Как приятно сознавать, что не ошиблась в выборе, что при более близком знакомстве он не оказался жутким занудой и зубрилой. С каждой минутой, нет, секундой, проводимой рядом с ним,

я влюблялась в него все больше и больше, хотя, наверное, больше уже было невозможно. Мне казалось, что это первое в моей жизни настоящее чувство...

И вдруг в голову пришла совершенно нелепая мысль: если бы сейчас, в эту минуту, мне сообщили, что произошла ошибка и Кирилл вовсе не мой отец, я тут же сорвалась бы с места и помчалась к нему, забыв обо всех генычах, вместе взятых. Так кто мне все-таки нужен – Кирилл или Геныч? Это было слишком сложно, чтобы задумываться об этом всерьез.

Когда я хохотала, глядя, как Геныч очень похоже изображает нашу рассеянную латинистку, раздалось несколько коротких, торопливых звонков в дверь.

– О, это Лелька, – обрадованно сказал он, поднимаясь. – Извини, я сейчас.

– Кто? – не поняла я.

– Моя Лелька. Ты, скорее всего, ее не знаешь. – И, стуча гипсовым ботинком по линолеуму, он направился в коридор.

Лелька! Вот, значит, как он ее называет. «Моя Лелька»! Скажите, пожалуйста!

У меня разом испортилось настроение. Я вспомнила, что нахожусь тут на птичьих правах и в таком виде, в каком никак нельзя появляться перед соперницей. И вообще, я же хотела уйти до ее прихода, да забыла за всеми этими событиями. Вернее, просто не заметила времени. Что же теперь будет? Она сейчас разозлится, так как учует во мне опасность

для себя. Ох, как это все некстати! Не время, пока не время. Я еще не готова к встрече с ней. Пожалуй, пора рвать когти.

– Ты рано сегодня, – слышалось тем временем из коридора. – С четвертой пары сбежала?

– Нет, меня Морозов подвез, представляешь, как удачно, я вышла, а тут он сигналит. Привет тебе передавал, сказал, на днях забежит, – весело щебетала «Лелька». – Ой, а чьи это сапожки такие классные? Неужели Полинке купили?

Я напряглась. Так, начинается. Интересно, она сразу в волосы вцепится или сначала имя спросит? Или даст ему пощечину и убежит, забыв шарфик и перчатки? Сейчас узнаем. Долго ждать не придется.

Парочка появилась на пороге кухни. Ольга уставилась на меня с веселым недоумением. Интересно, она тоже за три месяца ни разу не обратила на меня внимания, как и он?

– Привет, – добродушно сказала она, сразу по-хозяйски берясь за чайник.

– Здрасьте, – выдавила я.

– Это Саша, – объявил Геныч и сел за стол, вытянув вперед больную ногу.

Меня удивило и даже возмутило то, что он не кинулся с ходу оправдываться, лебезить, объяснять ей ситуацию. И почему она ни о чем его не спрашивает? Улыбается, разливает чай, будто так и надо, будто мое присутствие здесь совершенно нормально и естественно и привычнее этого ничего и быть не может.

– А-а, я тебя знаю, ты из двенадцатой группы! Учишься вместе с Борисом Гороховым, да? – воскликнула Ольга секунду спустя.

Конечно, Борис такая личность, что его трудно не запомнить, с обидой подумала я и поправила:

– Из тринадцатой. Мы с Борисом из тринадцатой.

– Или из тринадцатой, – согласилась она, доставая из своего пакета батон. – Геныч, масло есть? Достань-ка... Я тебя не сразу узнала, потому что у тебя были длинные волосы. Ты ведь совсем недавно постриглась? Это ты в понедельник делала доклад по истории? Ты была без стрижки.

– Да, – криво улыбнулась я.

– Я ее не узнал, – сказал Геныч, подавая масло. – Мне горбушку.

– А у тебя вообще памяти на лица нет никакой. Обойдешься, я сама люблю горбушки. Как можно не узнать человека, если он учится с тобой на одном курсе и на одном факультете? Ты и куратора нашего только с пятого раза запомнил.

– Ну, Лель, ты скажи спасибо, что хоть тебя узнаю.

– Точно! Спасибо большое!

Они дружно рассмеялись. Мне стало совсем нехорошо. Я встала из-за стола и пробормотала, что моя родственница, которую я жду, наверное, уже пришла.

– Сейчас перекусим, и пойдешь, – остановила меня Ольга. – Я сыр вкусный купила.

– Оставайся, – поддержал Гена. – Сейчас мы хорошо попросим, и Лелька испечет нам оладушки.

– Ну, это вряд ли, – заявила та. – Слишком долго просить придется.

Я заверила их, что страшно спешу и, если сию минуту не появлюсь у тетушки, она просто ласты завернет от волнения, после чего поспешно ретировалась в коридор. Они оба вышли из кухни проводить меня. Гена подал мне пуховик, Ольга отпустила комплимент моим сапожкам. Я одевалась и чувствовала, что меня трясет от их дружелюбия и внимательности. Мне вручили мои вещи и пригласили заходить еще.

Я выскочила на лестничную площадку, задыхаясь от злости и обиды. Так меня оскорбить! Не посчитать меня потенциальной соперницей, не усмотреть в моем появлении никакой опасности для себя! Даже не поинтересоваться, каким ветром меня занесло на эту кухню. Она настолько уверена в своем избраннике? Считает себя такой неотразимой, что совершенно не беспокоится за него? Думает, что ее Геныч исключительный и его невозможно увести?

Ладно, ничего, скоро она убедится, что мужики всегда и везде одинаковые, что у них напрочь отсутствует порядочность.

Ну что, Лелька, поборемся за главный приз? Посмотрим, чья возьмет. Вы просто не представляете себе, друзья мои, на что я способна!

Я, правда, и сама не представляю, но мне за вас страшно.

Глава 8

Когда я вернулась от Геныча, сразу поняла, что мой сюрприз не удался: мама еще не вернулась, отрезанные волосы по-прежнему лежали вместе с запиской на столике. Я схватила свою шевелюру и спрятала в шкаф, на мою полку, куда мама заглядывала редко. Попытка сменить имидж уже не казалась мне такой удачной. Геныч все равно меня не узнал. А теперь даже страшно представить, что меня ждет. Ведь я посягнула на самое святое, что было у мамы, да еще потратила в парикмахерской деньги, выданные мне на оплату телефона и интернета.

Заслышав хруст ключа в замке, я втянула голову в плечи, будто это могло меня спасти, и погрузилась в латынь по самую макушку, сосредоточенно бормоча:

– Номинативус: сингуларис – силва, плуралис – силве. Генетивус...

Мама заглянула в комнату:

– Привет. Занимаешься?

– Аккузативус – силвам, силвис! – в панике завопила я во всю глотку.

– Латынь, – понимающе кивнула мама, которую латынь достала на работе. – Давай, давай, вникай. Пригодится. Пэр аспера ад астра.

– Дум спиро – сперо, – ответила я, кося одним глазом в

учебник и совершенно не понимая, почему мама никак не реагирует на мой внешний вид. Так закружилась со своей любовью, что даже не помнит, как я выглядела до сегодняшнего дня?

– Товар принимали, – устало сообщила мама. – Ноги гудят. Ты картошечки не почистишь? Я селедки взяла.

– Ага, – растерянно сказала я. – Сейчас. Через пару минут.

Мама вздохнула:

– Давай. Ой, Сашка, и не надоело тебе?

– Чего? – не поняла я.

– Я уже устала от твоих шуточек.

– Каких шуточек?

– Сними сейчас же этот ужасный парик. Он тебе не идет.

Мама покачала головой и скрылась. Я изумленно уставилась на закрытую дверь. Вот так фишка! Она совершенно уверена, что я сейчас стяну с себя этот дурацкий коричневый скальп, тряхну гривой расчудесных золотистых волос и отправлюсь на кухню чистить картошку. Что же теперь делать?

– Саша, прошло уже больше двух минут! – крикнула мама из комнаты. – Не знаю, как ты, а я голодная! Давай быстренько приготовим и поужинаем.

– Иду, иду! – крикнула я, лихорадочно роясь на полке. Можно надеть шапку и сказать, что мерзнет голова. Можно сказать, что случайно испачкала парик клеем и он не снимается. Ох, что за идиотизм лезет в голову?! Я же решила измениться, я теперь другой человек, взрослый и свободный! Я

не мамина маленькая дочка, за которую она решала все проблемы, большие и маленькие. Даже кого мне звать папой, и то решила за меня она. Но теперь все, хватит. Она же устраивает свою жизнь, не спрашивая у меня совета, ее совершенно не интересует, что я думаю по поводу ее развода с отцом. Мне это было преподнесено как факт. Или она считает, что если он не мой родной отец, так я и тосковать о нем не буду? Ей не приходит в голову, что он-то как раз отец, самый родной и самый лучший! Именно он, а не Кирилл. А Кирилл... Кирилла я люблю по-другому...

Я вышла наконец из комнаты и отправилась на кухню. Мама уже расположилась на кухонном столе с доской и селедкой.

– Звонил отец, просил тебя заехать на этой неделе, он передаст тебе деньги. В этом месяце раньше, потому что перед Новым годом они уезжают в Уфу, к ее родственникам.

Мама всегда называла новую жену Василия «она». Как, впрочем, и я Олечку Платошину. Слишком много чести – звать свою соперницу по имени.

– Я оставляю тебе денег, купи ему подарок к Новому году. Только скажи, что от тебя одной, а не от нас вместе. И Никитке какую-нибудь игрушку. – Мама подняла на меня глаза. – Ты хоть слово слышала из того, что я тебе сказала?

– Купить подарок, – повторила я, высыпая картошку в раковину. – От одной меня. А Никитке игрушку.

– Саша, я миллион раз тебя просила не сыпать грязную

картошку в раковину!

– Я же ее сейчас помою! Не могу я чистить грязную картошку на газетке, а потом смывать с нее отпечатки пальцев.

– Тебе обязательно нужно все делать наперекор мне? – поинтересовалась мама, начиная потихоньку заводитьсь. – Тебе нравится меня злить?

– Нет, злая ты мне не нравишься, – честно сказала я. – Но чистить картошку удобно именно так. И я не виновата, что ты всегда начинаешь злиться из-за всякой ерунды.

– Тогда почему ты не сняла с головы эту гадость? – спросила мама, пропустив мимо ушей высказывание о картошке. – Я же тебя попросила – сними и убери подальше.

– Я бы с удовольствием, мадам, но сие никак невозможно. Я теперь еще долго буду такая. Так что привыкай.

– Почему это я должна привыкать?

– Потому что это не парик.

– Что значит «не парик»?

– То и значит!

Мама первый раз за это время взглянула на меня внимательно. И вдруг закричала:

– Что?! Что это такое? Как это называется?

– Не знаю, как называется, – сказала я. – Скорее всего – «Любина свободная фантазия». Я сначала хотела каре или боб, но потом...

– Какой боб?! Какая фантазия?! Ты что, с ума сошла? Ты что натворила? Где твои волосы?

– В шкафу.

– В каком шкафу?

– В нашем шкафу, на моей полке. Они тебе нужны?

– Ты надо мной издеваешься?

– Вовсе нет. Они действительно в шкафу. Я их туда положила.

Мама отбросила нож, вскочила и кинулась в ванную отмывать измазанные селедкой руки. Я машинально скоблила картошку, размышляя, вся ли это буря или только начало. Мама выскочила из ванной и бросилась ощупывать мою голову в надежде, что я все же издеваюсь и прячу волосы под париком.

– Зачем ты это сделала?! – кричала она. – Ты меня в могилу вгонишь! Почему ты не посоветовалась со мной? Сотворила из себя пугало огородное! Зачем ты это сделала, скажи мне!

Я упрямо молчала. Почему взрослые считают, что всегда и во всем правы? А сами городят ерунду. Разве можно умереть оттого, что дочь коротко постриглась? И к чему спрашивать, зачем я это сделала, если не собираешься слушать ответ на свой вопрос? Да и вряд ли я решилась бы рассказать маме все как есть. Потому что мою причину ни за что не сочли бы веской и основательной. Что и говорить, мама – это не Кирилл, который единственный из взрослых считает меня личностью, равной себе.

Ужин был забыт. Мама долго не могла успокоиться, стала

припоминать все мои грехи. Слово за слово, я начала огрызаться и в конце концов выпалила:

– Если мои волосы тебе дороже меня... Если я не нужна... Ты меня больше не увидишь!

Я схватила одежду и выскочила на улицу. Свалив все на скамейку, начала поспешно натягивать пуховик, шапку, перчатки, наматывать шарфик. По ощущениям мороз был градусов тридцать, не меньше. Застегнув молнию на пуховике до самого верха, я забегала возле подъезда взад и вперед, придумывая для мамы кару пострашней. Вот не приду сегодня ночевать, пусть попрыгает у окошка с телефонной трубкой в руках! Пожалеет тогда, что устроила скандал из ничего, по-другому запоет.

Побегав немного по двору, я окончательно замерзла, но не потеряла бодрости духа. Мой боевой пыл не угас. Я прыгала возле скамейки, хлопая об себя руками, и параллельно вынашивала план мести всем моим обидчикам.

Внезапно к подъезду подрулила какая-то машина и ослепила меня фарами. Я зажмурилась и отвернулась, дожидаясь, пока этот идиот догадается погасить свет. Фары потухли, мотор заглох. Потом хлопнула дверца.

– Алька, ты, что ли? – услышала я рядом с собой.

Опять! Когда уже это кончится?

– Не я, – огрызнулась я. – Чего тебе здесь надо?

– Ничего, – сказал Саня. Он был в расстегнутой куртке и без шапки. Конечно, в машине тепло, с завистью подумала

я, уютно и музыка играет. А я скачу тут на морозе, как последняя кретинка, и размышляю, как бы огорчить всех своим исчезновением. Всех, кто сейчас сидит в теплой комнате и меньше всего думает обо мне. Получается, что хуже всего мне самой, а вовсе не им. Так какая же это месть?

Я недолго думая запрыгнула в машину. Погреюсь хоть три минутки, а там решу, что делать дальше. Мама против моей самостоятельности? Против пятикурсника Сани? Так вот, я назло ей сижу в его машине. Так сказать, мщу. Пустячок, а приятно.

– Куда едем? – спросил Саня, поворачивая ключ зажигания. Мотор тихо заурчал.

– На свидание, – буркнула я.

– И где у нас будет свидание?

– У тебя не знаю где, а у меня – на проспекте Карла Маркса. Разные у нас с тобой будут свидания, ясно?

– Как белый день. Яснее некуда.

Он смотрел на меня со снисходительной улыбкой, будто его забавлял наш разговор. Он постоянно так на меня смотрел. Как на малолетнюю дурочку. Я никак не могла взять инициативу в свои руки и оттого чувствовала себя не в своей тарелке. Вроде бы я диктую условия, он соглашается и подчиняется... Откуда же тогда ощущение, что он просто играет со мной, как сытый кот с мышью?

– Шурик... – сказала я и обрадовалась, увидев, как он поморщился. Не нравится? Так тебе и надо. Меня тоже коре-

жит от «Альки», между прочим. – Ты, наверно, приехал меня куда-нибудь пригласить?

– Хочешь, чтобы я тебя куда-то пригласил?

– Нет, я занята, я же тебе сказала.

– Зачем тогда спрашиваешь?

Я рассердилась. Посмотрите на него, какой экзотический фрукт! Толком ничего не говорит, от ответов увиливает, чего хочет, непонятно, о чем думает – неизвестно. Ну, ничего, мы тоже не лыком шиты, в кошки-мышки играть умеем. Сейчас мы тебе устроим сладостную мечту с обломом в финале. Чтобы дошло наконец до твоей дубовой башки, что ты мне не пара.

– Послушай, Шурик, – нарочно повторила я и придвинулась к нему поближе. Он неподвижно сидел вполоборота ко мне. Я постаралась придать своему лицу вдохновенное выражение и произнесла самым страстным голосом, на который только была способна:

– Если хочешь, я не поеду на свидание...

Саня молча посмотрел на меня. Так, очень хорошо, кажется, клюнул. Надежду мы тебе подарили. Теперь дело за обломом.

– Я останусь с тобой, хочешь? – спросила я, стараясь симитировать хрипловатый голос с учащенным дыханием. – Куда ты меня повезешь?

– А куда бы ты хотела? – нейтрально поинтересовался он.

– С тобой – куда угодно! – выдохнула я и, по-моему, пе-

регнула палку. Но Саня этого, кажется, не заметил. Мужики вообще существа доверчивые и недалекие. Они уверены в своей неотразимости и очень удивляются, когда по их первому желанию женщина вдруг не шлепается к их ногам, как подстреленная дикая утка.

– Я просто валяла дурака, – проговорила я, медленно, но верно приближаясь к его лицу. – На самом деле ты мне очень нравишься. Хочешь меня поцеловать?

Саня помедлил немного, потом преодолел оставшееся расстояние, и теперь его губы практически касались моих. Ну вот, что я говорила! Стоит только сделать телодвижение навстречу самцу, и дело в шляпе!

– Ну? – страстно прошептала я. – Хочешь?

Он был так близко, что я чувствовала его мятное дыхание. Саня выдержал паузу, и я успела придумать кайфоломную фразу, которую произнесу, как только он скажет «хочу» или попытается воспользоваться моим предложением. Но он вдруг прикоснулся губами к моему уху и не менее страстно шепнул:

– Нет, совершенно не хочу. Но все равно спасибо.

Я отпрянула так резко, что стукнулась затылком о стекло.

– Осторожно, – как ни в чем не бывало сказал Саня. – С головой можешь не церемониться: она – твоя, а стекло все же денег стоит.

Я вскипела – да кто он вообще такой, чтоб издеваться над мной? Тоже мне, юморист нашелся. Остряксамоучка!

Стянув с себя шапку, я потерла гудящий затылок. Ого, вот уже и шишка прощупывается. Угораздило же связаться с чокнутым!

— Где твои волосы? — воскликнул Саня и включил верхний свет. — Ты что, постриглась?

— Как вы меня все достали! — взорвалась я. — Да, я постриглась, постриглась! Что ты имеешь против моих волос?

— Ничего, — спокойно ответил он. — Просто с ними ты была... особенная.

Глава 9

Саня высадил меня у дома Кирилла. Я взяла в руки шапку, запахнулась и вышла, с размаху хлопнув дверцей.

– Ты надолго? – поинтересовался он, опуская стекло.

– Не знаю. Как управлюсь, – процедила я сквозь зубы.

Чтобы уколоть моего преследователя, я сказала ему, что здесь живет мой любимый человек (что, впрочем, соответствовало истине) и я еду побыть с ним наедине. Но не заметила никакой реакции на его непроницаемом лице.

– Тебя подождать? – спросил он.

– Если у тебя есть лишних три часа, – равнодушно произнесла я и вошла в подъезд.

Дед был один. Кирилл повел Настю ужинать в кафе. Я расстроенно шлепнулась на табурет и принялась ковырять кусок пирога, предложенного дедом, совершенно не ощущая вкуса.

– Двойку, что ли, получила? – спросил дед. – Лица на тебе нет.

Двойку, усмехнулась я. Если бы двойку! Ее можно исправить. А как исправить все те глупости, которые я наделала в последние два дня?

– Время – десять, – сказал дед. – Ночевать останешься? Звони матери и оставайся, нечего по ночам болтаться.

– Нет, мне в институт с утра, – вздохнула я и вдруг вспом-

нила о своем недоученном латинском. Доцент Лебедева не поймет, если я завтра не отбарабаню ей десять крылатых фраз и правила склонения существительных. А ведь я еще имею слабенькую надежду на «автомат».

– Я тебя до остановки провожу, – поднялся дед.

– Не надо. Остановка под окном. Я тебе позвоню, как доберусь.

– Ну, смотри...

Я оделась, поправила перед зеркалом шапку и неожиданно для себя сказала:

– Дед, я возьму котенка. Того, рыжего.

– Мне не жалко, бери. С матерью тебе разбираться.

– Ничего, разберусь, – бесстрашно ответила я.

Дед поймал нужного котенка и подал мне. Я расстегнулась и посадила его за пазуху. Котенок тут же принялся выбираться, цепляясь за свитер острыми коготками. Я выбежала из квартиры, придерживая его руками. Он тыкался в мою ладонь влажным носиком и отчаянно мяукал. Я вдруг почувствовала себя такой счастливой, оттого что этот маленький зверек принадлежит теперь мне, и решила во что бы то ни стало отвоевать его. У меня еще никогда, ни разу в жизни не было такого крохотного существа, о котором я могла бы заботиться. Сколько раз я просила собаку, кошку или хотя бы хомяка, но все мои мольбы оканчивались холодным маминым «Никогда!». Максимум, на что она дала согласие, – это рыбки. Только их ведь не потискаешь в руках и не по-

гладишь. И не поговоришь, когда тебе одиноко. Но теперь в моей душе поднимал голову бунтарь-одиночка, и я была готова сражаться хоть с тридцатью мамами сразу за право быть счастливой.

Выскочив на крыльцо, я увидела, что Санина машина стоит все на том же месте. Не уехал. Ну надо же! Я уж и думать о нем забыла. Сначала я хотела гордо прошествовать мимо и сесть в маршрутку, но вспомнила, что у меня совсем нет денег, да и путешествие на общественном транспорте с орущим котенком за пазухой как-то не привлекало. Поэтому я открыла заднюю дверцу и с достоинством уселась на сиденье.

Саня обернулся:

– Кто это у тебя там верещит?

– Забайкальский хомячок, – сказала я. – Экспериментальный образец.

– Свидание у тебя какое-то стремительное, – хмыкнул он. – Вы со своим любимым человеком всегда так быстро управляетесь?

– Всегда, – ледяным тоном ответила я. – Поехали, шеф.

Саня развернулся и выехал на шоссе. Я без остановки гладила и баюкала котенка, и он наконец замолчал. Поурчал немного, тыкаясь мне в подмышку, потом выбрался наружу и отправился обследовать окрестности. А я погрузилась в свои невеселые думы... Особенно бередил душу скандал с мамой. Мы, конечно, и раньше ссорились, но никогда она на

меня так страшно не кричала.

— Мя-а-а-у! — раздался вдруг истошный вопль, переходящий в натуральный предсмертный хрип. И практически одновременно с ним прозвучал Санин крик:

— А-а-а! Какого лешего!

Машину понесло к обочине. Со всех сторон пронзительно загудели. Я инстинктивно опустила голову и закрыла ее руками в ожидании страшного удара. Удивительно, что за сотую долю секунды я в мыслях успела пережить аварию, остаться калекой на всю жизнь, переехать к Кириллу, который согласился ухаживать за мной до конца моих дней, пожалеть, что не смогу побывать на могилке у Сани, чтобы положить цветы на памятник...

Несильный, но довольно ощутимый удар раздался, когда я уже освоила мысленно передвижение на инвалидной коляске и первый раз самостоятельно выехала на ней во двор. Меня мотнуло вперед, вплотную прижало к переднему сиденью, потом откинуло на место. Машина замерла, наступила тишина. Несколько секунд спустя, еще не вполне успев осознать, что самое страшное позади, я услышала напряженный голос Сани:

— Ты чего, Алька, совсем ку-ку?! Ты что вытворяешь?

Я медленно выпрямилась, прислушиваясь к ощущениям в организме. Вдруг что-то сломано или оторвано, а я в шоке этого не замечаю. Нет, кажется, все на месте. Ничего не болит, руки-ноги двигаются.

– Цела? – снова спросил Саня. – Шишек не набила?

– Нет, – машинально отозвалась я. – Что это было? Кто в нас врезался?

– Кто врезался? – нервно хмыкнул парень. – Мы врезались. Хорошо, что в сугроб, а не во встречную машину. Чудом увернулся. Ну и шуточки у тебя.

– А я-то при чем? – изумилась я. – Если рулить не научился, нечего других обвинять!

– Ты зачем своего кота мне под педаль подсунула?

Тут я вспомнила истошный кошачий вопль, который предшествовал нашей аварии. Какой ужас! Котенок! Он, видимо, спрыгнул вниз, пролез под сиденьем и забрался Сане в ноги. А тот наступил на него со всей дури. Много ли надо такому малышу? Как он страшно захрипел, бедненький! В этом здоровом лосе, небось, килограмм девяносто весу! Он раздавил моего котенка! Того самого, которого я собралась защищать от мамы до последней капли крови. Мой маленький пушистый рыжий зверек, который так доверчиво тыкался в мою ладошку и которого я собиралась назвать Анфиской, окажись он девочкой. У меня потемнело в глазах, и я коршуном налетела на Саню, отчаянно крича:

– Где моя Анфиска? Отвечай сейчас же! Где она?

– Какая еще Анфиска? – опешил тот.

– Разве я для того ее взяла, чтобы ты ее убил? Живодер! Взял и растоптал ее, как червяка!

– Ты чокнулась?! Я из-за твоей кошки машину разбил!

– Плевать, это всего лишь железка. А ты убил живое существо!

– Следить надо за своим живым существом, а не ворон по сторонам считать! – разозлился Саня и вышел из машины.

– Эх, и ни фига себе! – донеслось до меня. – Тысяч на десять потянет. Удружила, нечего сказать.

Я выбралась наружу, не обращая внимания на гневные реплики моего раздосадованного приятеля, присела на корточки и заглянула под водительское кресло. Пусто. Я обошла машину, открыла переднюю дверцу и заглянула под другое сиденье. Мне едва удалось разглядеть крохотный неподвижный комочек. Я протянула руку, и из-под сиденья раздалось угрожающее шипение. «Жива!» – обрадовалась я и с трудом вытащила упирающуюся всеми четырьмя лапами взъерошенную Анфиску.

– Нашла, что ли? – подошел Саня. – Ничего с ним не случилось, зря беспокоилась. Подумаешь, придавил чуть-чуть. У кошки десять жизней.

Я посадила Анфиску за пазуху и сказала:

– Никогда больше ко мне не подходи! Понял? Видеть тебя не хочу.

– Куда ты? Мы же еще не доехали.

– Спасибо, накаталась!

– Сама же виновата. Разве можно пускать животных гулять по салону?

Я развернулась и, демонстративно постукивая каблука-

ми по обледенелому асфальту, пошла прочь. До моего дома осталось меньше двух кварталов, если идти дворами, а не по шоссе. Но Сане об этом знать не обязательно. Пусть мучается угрызениями совести, что я топала пешком в такой мороз целых три остановки, да еще практически ночью.

Когда я вернулась, мама уже легла или сделала вид, что легла. Свет в ее комнате не горел, и телевизора слышно не было. Мне даже стало обидно – время одиннадцать, дочери нет, а мамуля дрыхнет себе и в ус не дует! А если со мной что-то произошло? Ведь я же сказала ей, когда убегала, что она меня больше не увидит. Такое равнодушие пришлось мне не по душе, но сейчас было очень кстати. Я тайком пронесла Анфиску в свою комнату, решив, что сейчас нужно взять тайм-аут и набраться сил для продолжения войны. Потому что если волосы не вернуть, то выбросить кошку маме вполне по силам, и она должна узнать о животном в доме как можно позже.

Я налила в блюдечко молока и поставила возле своего письменного стола, а туалет устроила возле батареи, в дальнем от меня углу. Сама же вновь засела за латынь, пытаюсь сосредоточиться на учебе. Через полчаса у меня заломило спину, и я вместе с учебником перебралась в постель. Сытая Анфиска устроилась у меня под боком и довольно заурчала. У меня слипались глаза, я отчаянно зевала, бессмысленно глядя в книгу, и наконец, сбросив ее на пол, потушила свет.

Я не враг своему здоровью – не собираюсь гробиться из-за десяти дурацких предложений, которые все равно не прибавят мне счастья в жизни. Уже первый час ночи, а вставать в полседьмого.

Не успела я уютно устроиться под теплым одеялом и сладко задремать, как проснулась Анфиска и принялась носиться по комнате. Она запрыгивала на стол, пару раз опрокидывала стакан с ручками и карандашами, забиралась на постель и скакала по моей голове. Что я только не делала, чтобы утихомирить ее: брала с собой под одеяло, усиленно гладила, потом отпускала и зарывалась головой под подушку. Все без толку. Противное животное совершенно не собиралось спать и мне не давало. В довершение всего она села у плотно закрытой двери и принялась истошно мяукать, требуя, чтобы ее выпустили из комнаты, где она уже все проверила. Я готова была перевязать ее морду шарфом, чтобы эти пронзительные вопли не разбудили маму. В какой-то момент я даже пожалела, что Саня и в самом деле не придавил ее ногой.

Собирая в очередной раз свои рассыпанные ручки, я взглянула на часы и обомлела – двадцать минут четвертого. Спать осталось всего три часа, при условии что мне удастся уснуть в течение следующих десяти минут. Меня взяла такая досада, что я уселась прямо на пол и заревела от отчаянья. Ну что за наказание такое? Что за гадкий день? Волосы, баллончик лака, Геныч со своей Лелькой, невыученный латинский, ссора с мамой, разбитая Санина машина... А те-

перь вот еще и кошка! Не слишком ли много для одного дня? Может, все вокруг правы и желают мне добра, а я, дура, не понимаю этого? Завтра же помирюсь с мамой, извинюсь перед Саней и верну кошку Кириллу. И зачем она мне? Жила семнадцать лет без кошки и горя не знала. Какое-то помешательство нашло, не иначе.

Но от Геныча не отступлюсь. Ни за какие сокровища.

Глава 10

Сквозь сон я услышала отчаянный звон будильника (который, казалось, раздался сразу же после того, как я закрыла глаза), но даже не сделала попытку подняться. Два с половиной часа сна – это слишком мало для моего здорового растущего организма. Ничего страшного не произойдет, если я пропущу лекцию по «Введению в педагогику». Все равно там никто не отмечает присутствующих. Я перевернулась на другой бок и снова задремала, держа наготове отмазку для мамы, что сегодня внезапно отменили первую пару.

Окончательно я проснулась от противного кошачьего мяуканья и, в ужасе подскочив на постели, уставилась на часы. Пятнадцать минут первого. Здорово, просто великолепно! Проспала все на свете. Теперь я уже никуда не успею. Почему же мама не разбудила меня? Неужели она настолько рассердилась?!

Потягиваясь и зевая, я повернулась к столу и ахнула. Две мои тетрадки с конспектами, которые еще вчера лежали на столе возле лампы, теперь были изодраны в клочья, и пол украшало мелкое белое конфетти. Ручки и карандаши снова валялись в разных углах комнаты. Котенок самозабвенно скреб лапами по моей распластанной возле шкафа сумке. Предчувствуя беду, я бросилась к ней. Котенок метнулся под кровать и замер там. Сумка подозрительно пахла, пахла,

на светлой коже виднелись чуть подсохшие потеки. Основную лужу я обнаружила внутри, она уже начала впитываться в учебник фонетики. Хорошо, хоть зачетка и студенческий билет лежали в кармашке с молнией.

– Ах ты, зараза! – рассвирепела я и полезла под кровать за гадкой кошкой. Та перебежала за шкаф и забилась в самый дальний угол. Длины моей руки не хватало, чтобы выудить ее оттуда.

– Ну, погоди, дрянь! – пригрозила я, собирая обрывки лекций с пола. – Гаденыш вонючий! Только вылез! Я тебя собственными руками придушу.

Кошка благоразумно помалкивала и вылезать не собиралась.

– Ты совсем обалдела, идиотка! – не могла успокоиться я. – Я же тебе приготовила туалет, чем он тебе не понравился? Сволочь лохматая! И как только люди живут с кошками в одной квартире? Сегодня же отправишься назад к своей мамаше! Зараза!

Я пристроила мокрый учебник на батарею и постирала сумку. Потом занялась уборкой квартиры, чтобы мама пришла и увидела, что она зря на меня кричала и что я вся из себя такая послушная и трудолюбивая. Я вынесла мусор, даже погладила три наволочки и две простыни. Пока я гладила, Анфиска скакала возле меня и играла с проводом. Я смотрела на ее выкрутасы, и меня разбирал смех. И в самом деле, чего я на нее разозлилась? Это же глупое, безмозглое жи-

вотное, да еще детеныш. Ей ведь не объяснишь, что эти тетрадки были очень важны для меня и теперь придется делать ксерокопии чужих конспектов. Нужно было просто убрать их подальше, и все дела. На месте мамы я давно завела бы кошку или собаку, которая быстро приучила бы меня к порядку, сожрав парочку нужных документов.

Я выгребла деньги из копилки, сходила в магазин, купила хлеба и сосисок и даже заварила новый чай. Чего не сделаешь, чтобы выслужиться перед родителями после скандала.

К четырем часам мне надоело быть пайнкой. Я накормила кошку, уничтожила все следы ее пребывания в доме и уже хотела было везти ее к Кириллу, как позвонила Настя. Она таким счастливым голосом сообщила, что сегодня с моей легкой руки у нее забрали остальных двух котят, что у меня не повернулся язык сказать ей, что сейчас привезу первого обратно. Слишком уж не хотелось огорчать беременную. Вдруг не шутят, что даже самое мелкое отрицательное известие может плохо сказаться на состоянии женщины перед родами. Начнет сейчас рожать от огорчения прямо у телефона, я же еще и виноватой останусь. Я решила, что попозже позвоню Кириллу, и спросила у Насти, когда он придет с работы.

– Ой, сегодня очень поздно, – печально ответила молодая жена. – У кого-то там юбилей, в редакции. Он останется на банкет. Никак нельзя не пойти. Предупредил, чтобы я не ждала, спать ложилась.

Я попрощалась с ней и положила трубку. Ай да Кирилл! Жена беременная, а он по банкетам разгуливает! Да и по банкетам ли? Какая Настя доверчивая, просто жуть! Разве можно быть такой наивной в двадцать пять лет? «Юбилей, никак нельзя не пойти!» «Не пойти» можно всегда и куда угодно. Разве его не поняли бы, скажи он, что хочет побыть с женой, которая должна родить на днях? Еще как поняли бы! Так нет – мне так не хочется идти туда, дорогая, но я должен. Я буду скучать в уголке с коктейлем в руке и думать о тебе. Ложись и отдыхай спокойно, тебе нельзя волноваться!

Какие же все они лицемеры и обманщики! Даже самые, казалось бы, любящие и верные! И я готова поспорить на миллион баксов, что мой дорогой Кирилл не исключение. Наверняка имеется у него какая-нибудь... длинноногая «отдушина». Или даже несколько. Видела я его однажды с какой-то смазливой куклой. А у него в то время еще медовый месяц не закончился. Кирилл потом уверял меня, что это материал, с которым он работает. Он пишет статью об одном частном предприятии, и эта бизнес-леди вводит его в курс дела. То, что он с этим «материалом» действительно работает, я поняла сразу, слишком уж по-хозяйски она держала его под руку. Насте я, конечно, ничего не сказала, пусть живет себе в счастливом неведении. Но это происшествие еще больше уронило мужское племя в моих глазах.

Для меня, например, явилось настоящим шоком, что, когда папа объявил о своем решении уйти от нас, его любовни-

да была уже на шестом месяце беременности. Я бы еще поняла, если бы он встретил ее только что, несколько дней назад, и сразу честно сказал, что полюбил другую. Но он целых полгода врал, унижался, изворачивался и скрывался. Хотя потом я решила, что он все же достоин одной капли уважения, поскольку решился разорвать этот лживый круг и уйти. А некоторые по многу лет живут на две-три семьи и считают такую жизнь вполне нормальной.

Все эти разочарования привели к тому, что я презирала мужчин как класс. Влюблялась, конечно, но отнюдь не слепой любовью. Видела их насквозь и постоянно ждала очередной гадости. И только Кириллу я могла бы простить все что угодно за одну только возможность не быть ему дочерью.

Поняв, что сегодня от котенка мне не избавиться, я решила отдать его до завтра Янке, моей подружке. У нее в семье жили кот и кошка, и Янка знала, как обращаться с животными. Один маленький котенок не должен был им мешать. Какая разница – двое или трое? Вот когда совсем никого и вдруг один – это уже ощутимо. Особенно для моей помешанной на чистоте и порядке мамы.

Я набрала номер Янки, но ответа не дождалась. Странно. Судя по времени, она уже должна была прийти с работы. Я вновь затолкала Анфиску за пазуху и побежала к подруге, решив заявиться сюрпризом.

Мы с Янкой в последнее время виделись не так часто, как

нам обеим хотелось бы. В школе мы практически не расставались, но институт забирал у меня все свободное время, а она работала по скользящему графику, плавно «проскальзывая» мимо праздников и выходных. Мы теперь больше общались по телефону или в скайпе, чем вживую. Последний раз встречались две недели назад на ее совершеннолети, где, естественно, нам не удалось посекретничать из-за обилия гостей.

Янка долго не открывала. Когда я разочарованно повернулась и направилась к лестнице, раздался осторожный щелчок, и из двери высунулся нос и мокрая челка.

– Ты, что ли, Тюлькина? – проворчала Янка, раскрывая дверь. Она была обмотана огромным баннным полотенцем. – А позвонить не судьба? Я в ванне отмокаю.

– И небось в наушниках, – сказала я, проходя в квартиру. – Кто же тебе дозвониться сможет?

– Ну, жди тогда, раз пришла. Я только залезла.

Янка пошлепала босыми ногами обратно в ванную, оставляя на линолеуме мокрые следы.

– Иди пока в комнату, фотки на компе посмотри, – сказала она, прикрывая за собой дверь. – У меня новый бойфренд, отпадный, просто супер! Такая зайка, я улетаю.

Я прошла в комнату и выпустила на пол котенка. Тот поджал одну лапу и замер, принюхиваясь. Лежавший в кресле здоровый перс Христофор мгновенно открыл оба глаза и уставился на непрошеного гостя. Сиамская кошка Дульсинея

грациозно потянулась на гладильной доске и села, настороженно наблюдая за дрожащим малышом.

Я на всякий случай решила не отходить слишком далеко от моей Анфиски. Вроде бы звери у Янки не агрессивные, но мало ли что.

Что касается кошки Дульсинеи, то она была безобидным, беспроблемным и незаметным существом. Дуська ни разу ничего не украла со стола и могла три часа подряд лежать у вас на коленях, мурлыча и подставляя спину для поглаживания. Зато Христофор был очень хитрым и вредным. Он не подходил близко к людям, никогда не позволял себя гладить. Воровал все, что плохо лежало, даже то, что никогда не употреблял в пищу. Он мог разгрызть и разбросать по комнате сырую картофелину, рассыпать гречку и прокусить баллон с подсолнечным маслом.

Но его коронным номером был поход в туалет. Кошачий лоток с наполнителем стоял в туалете возле унитаза, поэтому дверь в «кабинет» старались держать приоткрытой. Но очень часто случалось, что дверь случайно захлопывалась. Дуська при таком раскладе честно царапала пол, поддевала лапой низ двери и тянула на себя. Если не удавалось открыть, она начинала голосить, оповещая всех, что ей нужно на горшок. Но подлец Христофор поступал иначе. Подходил к туалету, издавал едва различимый мышинный писк, после чего мгновенно усаживался возле двери и делал огромную лужу. Поэтому уши у всей семьи были хорошо натренированы на

Христофоров ультразвук. Янка слышала его, даже если гремела музыка, текла из крана вода или громко болтал телевизор. Заслышав краткое придушенное «мя», Янка реагировала на него как собачка Павлова. Она бросала все дела и крупными скачками неслась к туалету, чтобы хоть в этот раз успеть открыть перед Христофором дверь. Обычно она не успевала. По-моему, кот специально выгадывал момент, когда она была далеко, чтобы с удовольствием напакостить. Меня поражало терпение Янкиной семьи. Они уже шесть лет мучились с этим негодником, которого моя мама не потерпела бы и двух часов.

Животные один за другим прыгнули на пол и приблизились к котенку. Христофор потянулся к нему носом, фыркнул, мотнул головой и величественно удалился. При знакомстве с Дуськой Анфиска на всякий случай слабо зашипела, и то больше для порядка, чем для обороны. Взрослая кошка отошла на три шага и села, внимательно следя за неуверенными передвижениями маленького существа. Я успокоилась, что моему питомцу ничего не угрожает, и подошла к компьютерному столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.